

УДК 316.7+291.13

**«СТАЛИНСКИЙ МИФ» В РЕЛИГИОЗНОМ И ПАРАРЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСАХ:
ПРОБЛЕМА МОДАЛЬНОСТЕЙ**

© 2016 г.

А.М. Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

alpril@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 11.04.2016**Статья принята к публикации 07.11.2016*

Выявляются типологии модальности различных форм «сталинского мифа». Сталинский миф определяется как особый нарратив, который предполагает религиозную или квази-религиозную интерпретацию реальных или мнимых поступков И.В. Сталина. В качестве исследовательского метода выявления модальностей использован контекстуальный анализ отношения повествователя к информации, образующей содержание мифологического дискурса. Делается вывод о том, что интерпретация мифологом в дискурсах мифа имеет, как правило, социо-религиозную направленность, а сам сталинский миф включает в себя элементы имперского (царского) мифа. Отмечается, что последнее делает сталинский миф притягательным для сторонников имперского идеодискурса.

Ключевые слова: сталинский миф, социальная мифология, мифологический нарратив, модальность, имперский дискурс, эсхатология.

**Сталинский миф
как предмет исследования**

«Сталинский миф» сегодня представлен в различных гуманитарных дискурсах. Идеализация, равно как и предельная демонизация «исторического Сталина», сегодня является отличительной чертой не только общественно-политических дискуссий, но и диспутов, претендующих на научность. В результате И.В. Сталину приписываются черты мифологического героя – победителя демонического противника или же напротив – мифологического антигероя, богоборца, злодея, обладавшего едва ли не демоническим сверхмогуществом.

Сталин-победитель в Великой Отечественной войне, гениальный и прозорливый инициатор индустриализации и единоличный архитектор послевоенного мира соседствует в этой мифологии со Сталиным-палачом, кровопийцей, наслаждающимся агониями миллионов человеческих жертв. В одних текстах сталинского дискурса мифологический Сталин выступает как «великий человек, который сумел аккумулировать все силы страны и эпохи, и выиграть самую страшную в истории человечества войну и обеспечить миру и России, в том числе, *мистическое* (курсив наш. – А.П.), ослепительное величие, достичь которого вряд ли нам еще придется когда-нибудь» [1], а в других, в силу явного недоразумения, Сталину инкриминируется *миллиард* репрессированных [2]. Подобный образ Сталина явно мифологичен, но подобные

мифологические дискурсы нами рассматриваться в данном исследовании не будут, так как настоящее исследование вынужденно ограничено современным религиозным пространством. Соответственно, в данной статье не будет рассматриваться мифология политическая, военная, экономическая.

Изучение сталинского мифа предполагает рассмотрение следующих вопросов:

- генезиса его основных установок;
- специфики задействованных мифологом;
- особенностей их синтагматики в рамках соответствующего дискурса;
- специфики выражения в мифологическом дискурсе отношения автора (транслятора) мифологического нарратива к сообщаемой информации.

Последней проблеме и посвящена настоящая статья.

Объем понятия «сталинский миф»

Предмет нашего исследования – «сталинский миф» – в религиозном и парарелигиозных дискурсах современности может быть определен как **нарратив¹, апеллирующий к квази-религиозным мотивам или предполагающий наличие иррациональных последствий реальных либо мнимых поступков И.В. Сталина**. Как таковой, сталинский миф во многом восходит к жанру «устной истории» [3], но не ограничен им: сегодня тексты сталинского мифа можно встретить в различных публикациях,

в составе литургической литературы (различные неканонические молитвы и акафисты), в качестве устойчивых апокрифов церковной истории. В связи со сказанным возникает необходимость конкретизировать понимание термина «миф». Сделать это необходимо еще и потому, что в современной гуманитаристике представлены различные понимания соответствующего концепта. В данной статье мы будем придерживаться семиогерменевтического понимания мифа как **сюжетного повествования о действиях, поступках и ситуациях, сопряженных с сакральными акторами**. На формирование сталинского мифа повлиял и советский идеодискурс 1930-х – начала 1950-х гг., агитационное искусство, в котором манифестировалось «мифическое воплощение божественного принципиального начала на земле в лице нового героя, который готов приступить к выполнению своей миссии» [4, с. 105]. Многие элементы сталинского мифа в дискурсах народной веры участвуют в семиотических процессах трансформации теологом в формат мифологом [5]. Кроме того, сталинский миф, в той части, в которой изображает И.В. Сталина конструктором общества социальной справедливости, сближается с конструктами утопического сознания, которое «направлено на формирование идеала совершенного общественного устройства» [6, с. 42].

Сталинские мифологемы воспроизводятся как в собственно религиозном дискурсе (например, т.н. альтернативное православие, некоторые течения которого почитают Сталина как святого), так и в дискурсах парарелигиозных, которые представляют собой устойчивые тенденции в духовной жизни, не подпадающие под обычное определение религии [7, с. 60]. Проблема разграничения собственно религиозных и парарелигиозных дискурсов в данном исследовании не является для нас актуальной. Нашей основной задачей является рассмотрение различных модальностей, реализуемых сталинским мифом.

Профетическая модальность сталинского мифа

Одной из основных модальностей сталинского мифа является модальность профетическая. Профетизм в сталинской мифологии традиционно представлен как проявление прозорливости отдельных религиозных деятелей (обычно это не иерархи, но старцы, монахи, подвижники – как реальные, узнаваемые, так и анонимные), предсказывавших особую роль, которую предстоит сыграть молодому семинаристу в будущих судьбах России. Профетиче-

ская модальность реализуется в контексте мифологической самоидентификации части общества в отношении к истории, в которой таким образом раскрываются мистические смыслы: «В мае 1899 г. знаменитый архимандрит Иерон (Васильев), настоятель Ново-Афонского монастыря сказал семинаристу Иосифу Джугашвили: «Грядет царство «зверя» на Россию. Жиды будут уничтожать Русский Народ, а ты будешь уничтожать их! Иди!». Игумен Иерон благословил Иосифа иконой «Избавительница» [8].

Данную модальность нельзя рассматривать как модальность возможного – это то, что определяется как «будущее обязательное», то, что происходит независимо от воли человека и не является следствием его поступков. Такое представление о модусах пророчества предполагает не только «детерминированность будущего прошлым и настоящим» [9, с. 181], но и деформационные изменения содержания основных когнитивных структур, вызванные эсхатологическим страхом. Так формируются идиосинкразические когнитивные схемы, которые формируют как особый мрачный эмотивный тон сталинской профетики, так и неожиданные герменевтические приемы, позволяющие включить события социальной истории в контекст сталинского мифа.

Профетическая модальность является не только способом мистического постижения будущего, но и основой мифологической герменевтической диахроники: события прошлого интерпретируются на основании мифологической интерпретации последующих событий. Так, абсолютно мифические предсказания фантастических «врагов» – «кабалистов» (о рождении в начале 50-х годов «грядущего Царя-Победителя»), бытовавшие в среде маргинального (неканонического) православия, дискурсы которого сочетают элементы, свойственные как фундаментализму, так и модернизму [10], позволяют адептам интерпретировать в контексте «сталинского мифа» знаменитое «дело врачей», которое в мифологическом дискурсе как раз и запускает такую идиосинкразическую когнитивную схему: «Первая, такая наиболее серьезная попытка (воспрепятствовать грядущему царю. – А.П.) была предпринята каббалистами в начале 50-х годов в России, когда родился Царь-Победитель. Это так называемое «дело врачей», когда, по наущению дьявола, слуги грядущего антихриста (и пошедшие у них на поводу предатели иуды) в «белых халатах» (т.е. медицинские работники) убивали в России новорожденных младенцев мужского пола. Так они думали убить грядущего Русского Царя. Но... эта попытка не удалась – Господь руками

Иосифа Виссарионовича Сталина пресек осуществление этого замысла: часть этих «врачей» – людоедов в «белых халатах» упрятали за решетку, часть по заслугам «поставили к стенке», остальные были вынуждены скрывать свою волчью натуру под прикрытием «белых халатов» [11]. Таким образом, профетика становится инструментом включения Сталина одновременно в имперский и новозаветный (квазиновозаветный) дискурсы. Мифологическая интерпретация монархических идеологем в маргинальном православии породила т.н. «царебожническую ересь», в которой происходит фактическое отождествление смерти Николая II и голгофской смерти Спасителя (Царь-Искупитель); в данном случае мы видим аналогичное явление: Сталин включается не только в монархический дискурс (спаситель Царя), но и в квазиновозаветный – очевидна параллель с убиением детей Иродом.

Таким образом, формируется семиосфера мифа, наполненная внутренними противоречиями, которые, однако, не являются ни очевидными, ни существенными для носителей мифологической культуры. Как известно, миф не стремится к систематизации и категоризации знания. В данном случае же происходит взаимодействие нескольких мифологем.

1. Николай II – Царь-Искупитель, совершивший христоподражательный подвиг и искупивший грехи русской революции, его образ сближается с Христом Спасителем.

2. «Тайный Царь» – уже сейчас существует Царь, которому предстоит восстановить и возглавить русскую монархию². До надлежащего времени ему предстоит скрываться (в принципе, это ностальгическая мифологема).

3. Сталин – спаситель «тайного Царя», инструмент богоугодного торжества монархии.

4. «Тайный царь», подобно Иисусу Христу, подвергался опасности: по приказу Ирода, узнавшего о Его рождении, были умерщвлены дети, родившиеся одновременно с Ним. Если Царем-Искупителем считается Николай II, то было бы логично искать новозаветные параллели с описанием Рождества Христова применительно к нему. Но в данном случае достаточно неожиданно убиение детей Иродом символически соотносится не с ним, но с «тайным царем».

В итоге получается, что и Николай II, и нетождественный ему анонимный «тайный Царь» – оба сближаются со Спасителем – первый через мифологему «царя Искупителя», второй – через аналогии с убиенными младенцами. Оба они включаются и в «царебожнический», и в квазиновозаветный дискурс, причем разграничить их образы зачастую оказывается сложно. Не слу-

чайно высказывалась совсем уже маргинальная для православного дискурса точка зрения, что Николай II воскрес, воплотился в человеческом теле и сейчас тайно путешествует по России³ [12]. Данная тема, вопреки ее очевидной нелепости и явному несоответствию православному вероучению, серьезно обсуждалась на интернет-ресурсах фундаменталистской направленности, что можно рассматривать как еще одно подтверждение тому, что религиозный фундаментализм вовсе не тождествен традиционализму.

Использование профетической модальности и перечисленных мифологем не только включает Сталина в перечисленные дискурсы, но и выстраивает дискурсивные отношения между его мифологизированным образом и аналогичным образом Николая II. Полагаем, последнее преследует в том числе и апологетическую цель – дезавуировать, сделав на мистико-символическом уровне невозможными, неоднократно артикулированные историками обвинения Сталина в причастности к убийству царской семьи.

Эпистемическая модальность сталинского мифа

Эпистемическая модальность, выражающая возможность, вероятность утверждений с точки зрения наличествующего знания, в дискурсах сталинского мифа обычно представлена в формате модальности субъективной; причем отграничить суждения, основанные на вере, от суждений, основанных на знании, в большинстве случаев оказывается затруднительным или прямо невозможным. Даже в тех случаях, когда дискурс ориентирован не на мифологический нарратив, а на научную аналитику, эпистемическая модальность суждений задается априорными прагматическими установками – убедить читателя не только в истинности предлагаемой информации, но и в том, что существует единственная возможность ее интерпретации. Всякое сомнение в достоверности предложенной информации исключается.

Субъективная эпистемическая модальность дискурсов сталинского мифа формируется при помощи нескольких способов.

Во-первых, верными объявляются те суждения, которые таковыми считает автор повествования, раскрывающий перед читателем мифологическую мистерию. Иногда это заявляется совершенно открыто: «Что написано – считаю Правдой, а Истина может быть только в Боге, кто в Истине – тот с Богом» [13]. Подобное представление о том, что «правда» существует не в «реальности», а в дискурсе, должно быть признано характерным именно для мифологи-

ческого нарратива – последний претендует на истину именно в силу своего жанра, не требующего доказательств и аргументации, но апеллирующего к вере.

Во-вторых, используется обобщенные утверждения, вводимые модальными словами «доказано», «известно» без конкретизации кем и когда доказано и кому и из каких источников известно. Например: «Известно, что в 22-м году, когда Сталин приезжал в Грузию, к нему подошла мать и спросила его: – Сынок, на твоих руках нет Царской Крови? – Вот тебе Крест! Истинно нет! – ответил Сталин. И на глазах у всех перекрестился» [14] или «Открываются новые факты, новые документы, ранее не известные обстоятельства, которые вбивают "осиновый кол" в сердце множества лживых химер, во власти которых мы пребывали ещё некоторое время тому назад» [8]. Иными словами, в качестве достаточно обоснованных суждений рассматриваются такие, которые с точки зрения теории аргументации и даже требования банальной доказательности могут быть признаны не более чем гипотетическими. Отсылки к псевдоисторическим источникам – как реальным, так и вымышленным (пример последнего – т.н. «завещание Сталина», в котором провозглашается высшая ценность монархии) – позволяют установить свойственные мифологическому мировосприятию отношения между содержанием дискурса и факторами, формирующими его когнитивный контекст. Миф становится неотличимым и не выделяемым из окружающего его когнитивного и герменевтического пространства, границы мифологического дискурса становятся трудно определяемыми.

Деонтологическая модальность Сталинского мифа

Деонтологическая модальность, выражающаяся в предписаниях, разрешениях и запрещениях, обычно бывает связана с такими понятиями, как мораль, долг, нормы поведения; она передает отношение говорящего к степени необходимости того или иного действия [15]. В субдискурсах Сталинского мифа деонтологическая модальность выступает во взаимодействии с телеологической: «предание (т.е. основные положения Сталинского мифа) нужно знать для тому (так в оригинале. – А.П.), кто хочет действительно понять Истину, послужить своими, Богом дарованными талантами, России!» [8]. Соответственно, принятие Сталинского мифа налагает требования, выраженные в категории долженствования: «нам, Православным людям, испытавшим гонение за Веру, нужно забыть

обиду, как и подобает Христианам, и с должным вниманием и любовью посмотреть на все» [8]. Запрет критического отношения к личности Сталина, равно как и осуждения его внутренней политики, часто бывает представлен в Сталинском нарративе в виде новозаветного парафраза «не судите, да не судимы будете». Подобное модальное высказывание при помощи внеконтекстуальной упрощенной герменевтики позволяет утверждать, что всякая критика политики Сталина противоречит требованиям Нового Завета, а значит, и неприемлема для христиан. Неожиданным образом модальное высказывание «мы должны искать причину в самих себе», являющееся этическим трюизмом, используется в субдискурсах Сталинского мифа для реабилитации репрессивной политики, проводимой Сталиным – причины репрессий нужно, таким образом, искать не во внешних факторах (Сталин), но в самих репрессированных, их «греховности» [16].

Другая стратегия подобной апологетики тоже задействует деонтологическую модальность. Опять герменевтическим инструментом является парафраз, на этот раз – знаменитого высказывания Филарета Московского: «*Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша*». Кстати деонтологическая модальность в данном высказывании выражена тремя глаголами в форме императива и усилена афористичностью высказывания. В результате несложного механизма герменевтической актуализации получаем следующее: «Да, каждый из нас обязан (если хотим, чтобы Господь оставил нам наши грехи) прощать своих личных недругов. Однако, между личными врагами и врагами Отечества есть две большие разницы (так в оригинале. – А.П.) ... Иосиф Сталин не был палачом и никого никогда специально в крови не топил. Он был строг, но справедлив. Если он и принимал казни (так в оригинале – А.П.), то только преступников. Без вины, просто так, по личным корыстным мотивам Иосиф Виссарионович Сталин никого никогда не казнил. Кого казнил – казнил за дело» [12]. Таким образом, высказывания с выраженной деонтологической модальностью в субдискурсах Сталинского мифа используются при реализации различных герменевтических стратегий реабилитации репрессий, предлагая такую их интерпретацию, которая благодаря апелляции к категориям морали, долга, поведения, предписанного православными иерархами, не находится в конфликте с христианской этикой.

Гипотетическая модальность Сталинского мифа

Гипотетическая модальность, выражающая

авторскую оценку сообщаемого с точки зрения возможного, в дискурсах сталинского мифа выражена наименее отчетливо. И это легко объяснить идеосемантикой: содержание сталинского мифа представлено как предмет религиозной веры, не предполагающей сомнений. Поэтому предположениям в таком нарративе нет места, особенно когда воспроизводятся основные мифологемы.

Некоторая гипотетичность, впрочем, присутствует, но она касается второстепенных деталей – возможного объяснения причин второстепенных, с точки зрения мифа, поступков, раскрытия глубинного смысла отдельных совпадений. Так, например, при помощи высказываний, обладающих гипотетической модальностью, объясняется утверждаемое мифом влияние на Сталина митрополита Илии (Карама), экзарха гор Ливанских: «Немаловажным обстоятельством было то, что к архиерею древнего Антиохийского Патриархата, в самом названии кафедры которого дышала, казалось, сама Библейская древность, Сталин, **возможно**, испытывал большее доверие» [17].

Включая высказывания, обладающие гипотетической модальностью, субдискурсы сталинского мифа апеллируют к мистике совпадений, вовлекая читателя/слушателя в мифологический хронотоп – герменевтическое пространство, в котором пространство и время подчиняются закономерностям мифологическим. Например, семиотизируя Новый Афон как символический оплот особой духовности, мифологический дискурс провоцирует образование сложных метафорических структур: «**Наверно, не случайно** на Новом Афоне была южная дача Сталина» [8] – таким образом «святость» Новоафонского монастыря метафорически переносится по смежности на хозяина «дачи»...

Другой подобный текст при помощи тождественного семиотического механизма метафорически включает Сталина в контекст новозаветных событий, выполняя аналогичную функцию, что и разобранные примеры с высказываниями, обладающими профетической модальностью: «**Наверное, неслучайно** он был крещен в память Иосифа Обручника, сохранившего Пресвятую Деву и Ее Божественного сына в страшные времена гонений царя Ирода» [12].

Анализ модальности сталинского мифа позволяет сделать вывод о том, что интерпретация мифологем в дискурсах мифа имеет, как правило, социо-религиозную направленность, а сам сталинский миф включает в себя элементы имперского (царского) мифа. Последнее делает сталинский миф притягательным для сторонников имперского идеодискурса, которые, интер-

претируя личность Сталина, вопреки данным истории представляют его не как революционера и коммуниста, а как носителя и выразителя монархического социо-религиозного идеала.

Примечания

1. Здесь и далее под «нарративом» будем понимать такую разновидность повествования, которая реализует не только информативную, но и экспрессивную функцию, позволяет формировать различные субъективные оценки предмета повествования.
2. Мифологема «тайный царь, которому предстоит открыться в надлежащее время».
3. Эта мифологема активно обсуждалась сторонниками епископа Диомиды.

Список литературы

1. Гальперина А. Сталин как персонаж [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/stalin-kak-personazh/> (дата обращения: 05.02.2016).
2. Именем Сталина. Лаврентий Берия – верный соратник? [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/programs/staliname/677212-echo/> (дата обращения: 05.02.2016).
3. Крылов П.В. Обретение исторического слуха: парадигмы изучения неофициальной памяти // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 446–453.
4. Щербинина Н.Г. Герой воспетый. Политологический анализ песен о Сталине // Политические исследования. 1998. № 6. С. 103–112.
5. Прилуцкий А.М. Структура религиозного дискурса: от мифологии к теологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 2(7). С. 163–169.
6. Митина Н.Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 42–46.
7. Золотухина-Оболина Е.В. Что могут дать человеку современные «парарелигиозные тренды»? // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 58–67.
8. Фильм Анны Москвиной «Бич Божий» (рецензия) [Электронный ресурс] // Москва – Третий Рим. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2010/jun/n783b.html> (дата обращения: 05.02.2016).
9. Михайлова Т.В. Будущее обязательно в профетических контекстах Ивана Пересветова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 1(23). С. 181–185.
10. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 1. С. 87–97.
11. Воскрешение Богом Государа и Царской Семьи? [Электронный ресурс] // Форум сайта diomid.info – Епископ Анадырский и Чукотский Диомид. URL: <http://diomid.info/forum/index.php?topic=1365.0/> (дата обращения: 05.02.2016).
12. Чем Иосиф Виссарионович заслужил призна-

тельность русского народа? [Электронный ресурс] // Москва – Третий Рим. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2008/nov/n326.html/> (дата обращения: 05.02.2016).

13. О святости Сталина. Блаженная Матрона и Сталин [Электронный ресурс] // Покаяние. Восстановление монархии в России. URL: <http://www.pokaianie.ru/article/stalin/read/8781> (дата обращения: 05.02.2016).

14. Кто же такой Сталин? Сталин и православие. [Электронный ресурс]. URL: <http://desert-man.org.ua/post253328399/> (дата обращения: 05.02.2016).

15. Мильруд Р.П., Антипов И.В. Типологические характеристики модальности в научно-исследо-

вательском письменном тексте // Язык и культура. 2009. №1. С. 32–33.

16. Иосиф Сталин в Свете Слова Божия: исторические параллели и уроки из Священного Писания [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-738578_22921388/ (дата обращения: 05.02.2016).

17. Война, Церковь, Сталин и великий молитвенник за Русь православную митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) [Электронный ресурс] // Искупитель. URL: <http://www.iskupitel.info/node/245> (дата обращения: 05.02.2016).

THE STALIN MYTH IN THE RELIGIOUS AND PARA-RELIGIOUS DISCOURSE: THE PROBLEM OF MODALITIES

A.M. Prilutskii

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The aim of this article is to identify the modality typologies of different forms of the Stalin myth. The author defines the myth of Stalin as a kind of narrative that presumes religious or quasi-religious interpretation of Stalin's real or imaginary actions. The research method used to identify the modalities is based on the contextual analysis of the narrator's attitude to the information that forms the content of the mythological discourse. Our analysis of the Stalin myth's modality leads us to the conclusion that the interpretation of the mythologems in the discourses of myth often has a socio-religious orientation, and the Stalin myth itself includes some elements of the Russian imperial myth, which makes it attractive for the supporters of the imperial ideological discourse.

Keywords: Stalin myth, social mythology, mythological narrative, modality, imperial discourse, eschatology.